

Российская идентичность и вызовы времени

Тезисы к выступлению в Потсдаме 5 июня 2013 г.

Идентичность – понятие столь же сложное, комплексное и нечеткое, как «общество», «культура», «порядок» и другие. Дискуссии вокруг определения идентичности идут давно и продолжатся еще долго. Ясно одно: без анализа идентичности, мы не сможем ответить на ряд важнейших вопросов, таких как:

- кто такие – россияне в 21 веке?
- что их объединяет и заставляет двигаться вместе в одном направлении?
- есть ли у них общее будущее - и если да, то какое это будущее?

Не буду претендовать на собственный методологический подход к пониманию идентичности. Перечислю лишь три важных пункта, без которых анализ современной российской идентичности невозможен.

Во-первых, идентичность не создается раз и навсегда, она может меняться, и меняется, в процессе социальных трансформаций и взаимодействий. Таким образом, сегодняшняя идентичность отличается от вчерашней, а завтрашняя – будет иной, чем сегодняшняя. Трансформация идентичности – это нормально, ненормально – это когда идентичность застывает, не реагируя на вызовы времени.

Во-вторых, одна идентичность может более или менее неконфликтно совмещаться с другой или с другими. Каждый человек сегодня несет целый «портфель идентичностей», и пользуется ими по мере необходимости. Скажем, выезжая за пределы своего города, на дачу, житель Казани становится «горожанином», отправляясь в отдаленный район Татарстана – он «казанец», приезжая в Москву, он – «татарин», в Берлине он – русский, а в Африке – белый. И все это, напомним – один и тот же человек.

В-третьих, идентичность обычно слабеет в периоды мира и укрепляется (либо, наоборот, распадается) – в периоды кризисов, конфликтов и войн. Война за независимость создала американскую идентичность, Великая Отечественная война укрепила советскую идентичность, войны в Чечне и в Осетии дали мощные импульсы для дискуссий о современной российской идентичности. Мировой кризис – это самый сложный вызов, испытание на прочность и американской, и европейской, и российской идентичностей. Вызов – и шанс на развитие одновременно. Как они выдержат это испытание, выйдут из него усилившимися или ослабленными – вопрос открытый. Важно то, что время переопределения идентичности – это наше нынешнее время, эти процессы идут прямо у нас на глазах.

Перейдем теперь непосредственно к современной российской идентичности. Она включает несколько важнейших измерений, я остановлюсь на четырех из них. Это

- государственная, или национальная идентичность;
- идеологическая, или политическая идентичность;
- территориальная идентичность;
- и наконец, религиозная идентичность.

Итак, начнем с **национальной идентичности**. Русские начали осознавать себя как жители одной страны в период построения централизованного Московского государства, примерно в 15-16 веках. Однако присоединение инонациональных регионов, таких как Казань и Астрахань, приводит к тому, что объединяющим принципом становится не национальный, а династический, монархический и имперский. Национальности внутри России не ассимилируются и не смешиваются, только элита государства носит

интернациональный характер, и этнические русские составляют в ней относительное меньшинство. Русские, таким образом, не были господствующей нацией в Российской империи.

В советский период на смену имперской приходит интернациональная советская идентичность. Хотя в рамках СССР существует Российская республика, она лишена важнейших признаков и атрибутов государственности и выступает скорее донором для других республик, чем метрополией. Русская идентичность выходит из-под запрета в период Великой Отечественной войны, но остаётся латентной, а на поверхности существует и культивируется идентичность советская.

Распад СССР имел одной из своих причин пробуждение национального самосознания россиян. Но едва родившись, новое государство – Российская Федерация - оказалось поставлено перед проблемой: является ли оно правопреемницей и законной наследницей СССР? Или Российской империи и всей тысячелетней России? Или же это действительно совершенно новое государство? Спор по этому поводу продолжается до сих пор. Президент Ельцин разрывался между желанием создать нечто совершенно новое и апелляциями к более ранним периодам нашей истории. Президент Путин сделал ставку на воссоединение имперского, советского и современного периодов. Эта линия наглядно отразилась в государственных символах новой России: имперский герб, советский гимн и российский триколор на флаге. Сначала такая комбинация вызывала критику и насмешки, но теперь, спустя десятилетие, она вполне прижилась и устоялась.

Тем не менее по поводу истории и преемственности современного российского государства идут нескончаемые споры. Недавно президент Путин потребовал написать единый и непротиворечивый учебник российской истории для школ, но пока его текста нет. Споры об истории важны, но еще важнее – споры о будущем. Здесь соревнуются несколько основных подходов.

Неосоветский подход рассматривает нынешнюю Россию как «СССР без идеологии» и требует восстановить единое государство на постсоветском пространстве, а также рассматривает Россию как центр противостояния мировой гегемонии Запада. В последнее время этот подход слабеет в связи с отходом от активной жизни поколений людей, рожденных и воспитанных в СССР, и разрушением советской системы интернационального воспитания. На политической сцене это мировоззрение представляет КПРФ.

Другой, более популярный подход рассматривает Россию как многонациональное государство в нынешних границах, правопреемственной по отношению как к Российской империи, так и к СССР. Необходимости в территориальном расширении наша страна не имеет, но свою собственную территорию, включая нерусские регионы, считает священной и неразделимой.

Россия также имеет преимущественные интересы и даже миссию на территории бывшего СССР. Поэтому она должна, с одной стороны, стараться разными способами интегрировать это пространство, а с другой, защищать права своих соотечественников, живущих в новых независимых государствах.

Соотечественниками признаются прежде всего носители русского языка и культуры, независимо от этнической принадлежности. Этот подход разделяется большинством россиян и провозглашается президентом Путиным и партией «Единая Россия».

Третий подход, назовем его этническим, утверждает, что Россия – это государство русских, что интернационализм для нас губителен, что имперское и советское прошлое – равно трагические страницы истории, которые нужно закрыть. Вместо этого желательно воссоединение населенных русскими земель, таких, как часть Украины, Крым, Северный Казахстан и др. А вот часть территорий, прежде всего Северный Кавказ и особенно Чечню, лучше, наоборот, отдать. Этот подход имеет приверженцев прежде всего в среде молодежи и постоянно подпитывается притоком в Россию иммигрантов из Центральной Азии, а также внутренней миграцией. Среди политиков к этническому национализму ближе всего Владимир Жириновский и Алексей Навальный.

Главным вызовом национальной идентичности россиян сегодня следует назвать вопрос о праве выходцев из трудоизбыточных республик Северного Кавказа, не теряя своего языка и веры, свободно переселяться в крупные мегаполисы и исконно русские области. Хотя юридически никаких препятствий этому нет, процесс внутренней миграции вызывает сильнейшее напряжение и ведет к усилению русских националистических настроений, включая самые экстремистские. С этим вызовом смыкается другой, хотя и похожий – это способность российской нации абсорбировать миллионные потоки мигрантов из Центральной Азии. Оба вопроса постоянно обсуждаются в обществе и в правительстве. О степени их значимости говорит хотя бы то, что жители Москвы ставят проблему мигрантов на второе место после пробок.

Территориальный аспект российской идентичности на протяжении последних пяти столетий является одним из важнейших. Территория Российской империи, а затем СССР непрерывно расширялась, что привело к образованию крупнейшего на Земле государства, и эта особенность России давно вошла в состав нашего кредо, пантеона нашей гордости. Любая территориальная потеря воспринимается очень болезненно, поэтому распад СССР нанёс тяжелейшую травму российскому самосознанию еще и с этой точки зрения. Со времен Горбачева в нашем обществе существует табу на обсуждение вопросов территориальной целостности, её сохранение превратилось в самостоятельную ценность высшего уровня.

Война в Чечне продемонстрировала готовность России отстаивать эту ценность, не считаясь ни с какими жертвами. И хотя в отдельные моменты поражений идея согласиться с отделением Чечни приобретала популярность, именно восстановление российского контроля над этой республикой стало фундаментом беспрецедентной народной поддержки Путина в начале 2000-х годов. Сегодня либеральная оппозиция спекулирует на лозунге «Хватит кормить Кавказ!», пытаясь сделать этнонационалистические течения своими союзниками в борьбе против Путина. Тем не менее абсолютное большинство россиян считает сохранение территориальной целостности «Матери-Родины» важнейшим принципом, который должна проводить наша страна вопреки любым препятствиям, внутренним и внешним.

Симптоматично само название правящей партии – «Единая Россия», что символизирует, с родной стороны, неразрывную связь всех российских территорий, а с другой – боязнь разорвать эту связь и необходимость все время её укреплять. Эта связь строится вокруг Москвы, города, имеющего роль не только политического или экономического, но и сакрального центра. Защита Москвы от врагов, концентрация всех усилий нации на её спасении – сильнейший инструмент консолидации общества. Неслучайно Путин на последних выборах процитировал строки Лермонтова: «Ребята, не Москва ль за нами? Умремте ж под Москвой...» Императив единства и целостности России – важнейший элемент нашей идентичности, который постоянно актуализируется страхами по поводу попыток внешних и внутренних врагов их подорвать.

Если в число внешних врагов попеременно входят все крупнейшие мировые державы, то важным внутренним врагом является «региональный сепаратизм». При Ельцине сильнейшие региональные лидеры получили прозвище «удельных князей» и вошли в список антигероев наряду с олигархами, бандитами и террористами. Их политическая автономия была уничтожена Путиным, их финансы экспроприировал Кудрин, а их самих лишил должностей Медведев. Попутно были, по сути, убиты источники развития в самих территориях, вынужденных просить у Центра деньги на самое необходимое и согласовывать с Центром самые незначительные свои решения. И тем не менее лозунг единства не снят с повестки дня: буквально неделю назад Медведев призвал регионы прекратить развивать локальные товарные бренды, поскольку это, по его мнению, поощряет сепаратизм.

Перечислю ряд вызовов, которые, с моей точки зрения, более важны, чем «локальные бренды», и постепенно размывают «территориальную идентичность» россиян:

- Образ Москвы как сакрального центра, который необходимо защищать любой ценой, вытесняется образом «московского спрута», высасывающего из провинции все соки и утопающего в роскоши, тогда как страна прозябает в нищете;

- централизаторская политика Путина переходит в свою противоположность из-за того, что местные власти больше интересуются мнением Центра, чем собственных избирателей, и при этом лишены финансовых источников для развития своих территорий. В приграничных территориях, таких как Калининград, Приморье и др., соседствующих с динамично развивающимися странами, нарастают ощущение своей «брошенности» Центром и ненужности ему;

- гордость за победу в чеченской войне забывается, зато растет общественное раздражение по поводу особого статуса Чечни, её обширного финансирования из общегосударственного бюджета и беспардонного поведения высокопоставленных чеченцев в Москве и других местах. Постепенно такое отношение распространяется и на Дагестан.

Третий аспект российской идентичности - религиозный. Сегодня более 80% россиян называют себя православными, а Русская православная церковь получила полугосударственный статус и имеет большое влияние на политику властей в значимых для неё сферах. Драматические события последних двух лет еще больше укрепили союз между патриархом Кириллом и президентом Путиным. Налицо российский вариант «симфонии», православного идеала сотрудничества мирской и священной власти, первосвященника и императора. Три участницы группы «Pussy Riot» получили тюремный срок, в школах преподается курс «Основы православной культуры», в Думе обсуждается законопроект «О защите прав верующих», инициированный РПЦ.

И тем не менее престиж церкви в течение этих двух лет в обществе пошатнулся. Прежде всего, исчезло неофициальное табу на критику РПЦ, существовавшее на протяжении более чем двух десятилетий. Либеральная часть общества перешла в открытую оппозицию церкви. Если прежний патриарх Алексей находился вне любой критики, то патриарх Кирилл подвергается постоянным упрекам в личном обогащении, чекистском прошлом и пособничестве Путину. Священники стали объектами частых насмешек в интернете, церковь, как на закате Российской империи, всё больше теряет имидж «национальной» и приобретает характер «государственной».

На этом фоне даже забытый после крушения коммунизма атеизм постепенно возвращается на сцену. Но гораздо более опасна для РПЦ миссионерская активность неправославных христианских конфессий, прежде всего протестантских, а также распространение ислама за пределы его традиционного ареала обитания. Нередкими стали случаи перехода в ислам этнических русских – и на Кавказе, и в Поволжье, и на Урале. Количество протестантских общин быстро растёт, хотя надежной статистики по этому поводу нет. Что самое важное, сила веры новообращенных протестантов и мусульман на порядок превосходит ту, которой располагают прихожане РПЦ. Опросы показывают, что подавляющая часть православных ограничивается обрядом крещения и празднованием Пасхи, а также участием в традиционных полуправославных-полуязыческих ритуалах. Однако наши православные не читают Библию, не знают десяти заповедей, не посещают церкви и не принимают участия в жизни православных общин. Более того, значительная часть из них даже не верит в загробную жизнь.

Таким образом, возвращение посткоммунистической России к православию носит сугубо поверхностный, ритуальный характер, реального воцерковления нации не произошло. Государственные преференции, предоставляемые РПЦ, не могут победить её внутреннюю слабость и неконкурентоспособность по сравнению с новыми религиями – не такими иерархичными и богатыми, но энергичными и активными. Дискуссии и конфликты вокруг моральных тем углубляют раскол между консервативным большинством, поддерживающим государство и РПЦ, и либеральным меньшинством, чью религию было бы правильно

назвать поклонением идеализированному образу Запада. Но еще более опасный вызов православной составляющей российской идентичности – её неспособность способствовать моральному возрождению российского общества, в котором сегодня царит неуважение к праву, бытовая агрессия, отвращение к производительному труду, пренебрежение моралью, полное отсутствие взаимного сотрудничества и солидарности.

Закончу свой обзор **идеологическим аспектом российской идентичности**. Начиная со Средних веков русское национальное самосознание формировалось на идее противопоставления другим, прежде всего Западу, и утверждало свои отличия от него как позитивные признаки. Сначала это была идея «третьего Рима», воспринявшего древнее благочестие от Константинополя. Затем, в XIX веке – идея об особой миссии русского народа, его всемирной отзывчивости и особой духовности, рожденная великой литературой «золотого века». И наконец, в советский период – идея об СССР как «родине рабочих и крестьян», первом на земле государстве, реализовавшем на практике принципы народовластия и социальной справедливости.

Распад СССР заставил нас почувствовать себя неполноценной, неправильной страной, долгое время шедшей «не туда» и только теперь возвращающейся во всемирную семью «правильных» народов. Но такой комплекс неполноценности – тяжкое бремя, и русские с радостью от него отказались, как только ужасы олигархического капитализма и интервенция НАТО в Югославии уничтожили наши иллюзии по поводу «прекрасного нового мира» демократии, рынка и дружбы с Западом. Образ Запада как модели для подражания оказался полностью дискредитирован уже к концу 1990-х годов. С приходом Путина на пост президента стартовал ускоренный поиск альтернативной модели, иных ценностей.

К сожалению, этот поиск, как и аналогичные процессы в Восточной Азии (где тоже ищут собственные «азиатские ценности»), принес пока мало плодов. Сначала это было представление, что после ухода Ельцина «Россия встает с колен». Затем появился лозунг о России как «энергетической сверхдержаве». И, наконец, концепция «суверенной демократии» Владислава Суркова. Она утверждает, что Россия – это демократическое государство, но с собственной национальной спецификой, и никто из-за рубежа не вправе указывать нам, какую именно демократию и как нам нужно строить. Эта концепция была принята как официальная партией «Единая Россия», но после мирового экономического кризиса она фактически вышла из употребления. Вместо неё президент говорит о патриотизме и о народности (Народный фронт – название нового движения, которое Путин намерен возглавить на съезде 12 июня).

Что же осталось в самосознании россиян от суверенной демократии? Прежде всего, признание ценности демократии как образа правления. Конкурирующие идеологии – советская и монархическая – на порядок менее популярны. При этом большинство россиян уверены, что российская демократия отличается и всегда будет отличаться от западной, что она должна соответствовать специфике нашей страны. Правда, в чем именно эти отличия – люди, как правило, сказать не могут. Мы просто «не такие», но какие именно – и сами не знаем. Важно, что мы и только мы, сами вправе определять своё будущее, что мы – чужие и в Европе, и в Азии, и что нас не ждут ни на Западе, ни на Востоке.

Естественных союзников, полагает твердое большинство, у России нет, и наша принадлежность к европейской цивилизации не означает общности нашей судьбы с Западной Европой и Америкой. Из европейских стран нам симпатична Германия, но в этом рейтинге ее существенно опережают Казахстан, Белоруссия и Китай. Более молодая и образованная часть россиян по-прежнему тяготеет к Евросоюзу и даже хотела бы вступления в него России, но она составляет меньшинство. Большинство же хочет строить российское демократическое государство по-своему - и не ожидает из-за рубежа ни помощи, ни советов.

Общественный идеал современных россиян можно обрисовать так. Это независимое и влиятельное, авторитетное в мире государство. Далее, это высокоразвитая экономически держава с достойным уровнем

жизни, конкурентоспособной наукой и промышленностью. Многонациональная страна, где русский народ играет особую, центральную роль, но уважаются и защищаются права людей всех национальностей. Это страна с сильной центральной властью, возглавляемый президентом с широкими полномочиями. Это страна, где торжествует закон, и все перед ним равны. Страна восстановленной справедливости в отношениях людей друг с другом и с государством.

Отмечу, что в нашем общественном идеале отсутствуют такие ценности, как:

- важность сменяемости власти на альтернативной основе;
- представление об оппозиции как важнейшем институте политической системы;
- ценность разделения властей и, тем более, их соперничества;
- идея парламента, партий и представительной демократии вообще;
- ценность прав меньшинств и, в значительной степени, прав человека в целом;
- ценность открытости миру, который воспринимается скорее как источник угроз, а не возможностей.

Да и само будущее скорее пугает россиян своей неизвестностью, чем вдохновляет своими шансами. Отсюда – чрезвычайно короткий горизонт планирования, неготовность и неспособность наших соотечественников просчитывать свои действия хотя бы на несколько месяцев вперед (не говоря уже о годах). Зато у нас в избытке воспоминаний о славном прошлом (под которым обычно понимается время правления Брежнева), о Великой Победе и полете Гагарина в космос. Все эти воспоминания тщательно культивирует официальная «политика памяти», чьи составляющие – государственный подход к организации праздников, к финансированию патриотического кино, к составлению школьных учебников.

Итак, в нашем самосознании, в нашей идентичности отсутствуют важнейшие ценности, опираясь на которые, можно было бы модернизировать страну:

- она обращена в прошлое, а не в будущее,
- она концентрируется на угрозах, а не на возможностях;
- рассматривает мир как полный врагов, а не партнеров;
- она бедна идеалами, а еще больше - бедна принципами, отстаивая которые, можно к этим идеалам приблизиться.

Это и есть важнейшие вызовы российской идентичности, на которые нам предстоит найти ответ, если мы хотим достигнуть национальных целей: достойной жизни, общественной справедливости и уважения к России в мире.